
РЕЦЕНЗИИ

Т. В. ПАНФИЛОВА

АКТУАЛЕН ЛИ ПРИЗЫВ «НАЗАД К КАНТУ»?

Георгиев, Л. Критическая психология политики и истории. М.: РИСИ, 2017. 552 с.

Автор книги поставил перед собой двуединую задачу: дать критический анализ господствующих тенденций современной западной психологии и истории и предложить путь исправления их недостатков, обратившись к наследию Канта, особенно к его учению об априорных формах и принципах. Критический анализ получился довольно убедительным. Обращение к априоризму Канта оказалось несостоятельным.

Ключевые слова: критика, западная психология, Кант, априорные принципы, общественное, надындивидуальное.

Профессор Л. Георгиев поставил перед собой двуединую задачу: в книге предусматривалась критика «<классической> западной психологии и истории или самой идеи западного традиционного гуманитарного, социального и исторического познания» и вместе с тем предпринималась попытка «исправления этого познания единственно в смысле Критической философии Канта в поле психологии» (с. 495). Если относительно критики «классической» западной психологии и истории особых сомнений не возникает, то предложенный путь «исправления» сложившегося положения вещей весьма сомнителен.

Начнем с того, что при такой постановке вопроса философия И. Канта выпадает из западноевропейской традиции философствования, тогда как в действительности она была важнейшим ее звеном, в том числе послужила одной из основ для позитивизма. Ведь именно Канту принадлежит мысль о том, что все жизненно важные

Историческая психология и социология истории 1/2020 215–218

для человека вопросы относятся к сфере практического разума, поскольку не поддаются теоретическому осмыслению, – мысль, которой воспользовались позитивисты, изъявшие из науки все, что касается ценностей и смыслов человеческого существования.

Зачем же автору «Критической психологии» понадобилось обращаться к учению Канта об априорных принципах и формах познания? Оказывается, для того чтобы утвердить наличие надындивидуальных психических регуляторов (с. 35), составляющих, по определению автора, общностный уровень как мышления, так и поведения.

Понятие «общностный» профессор Георгиев явно противопоставляет марксистскому понятию «общественный», чем выражает свое несогласие с К. Марксом, для которого, по мнению автора, характерна «деперсонализация» личности (с. 102), проявившаяся в том, что он – Маркс – признал сущностью человека совокупность общественных отношений.

Готова признать далеким от совершенства знаменитое положение Маркса из «Тезисов о Фейербахе». Но справедливости ради надо учесть, что он пытался сформулировать надындивидуальные («общественные», по Марксу) истоки индивидуальности, то есть как раз то, над чем бьется профессор Георгиев. Конечно, одного этого положения недостаточно, чтобы понять, как формируется личность. Однако эта проблема была успешно решена именно психологами-марксистами, правда, только в XX в.

Профессор Георгиев утверждает, будто «представление о психике как о <свойстве мозга> оказывается основополагающим не только для советской, но и для всей западной психологии до сих пор...» (с. 64). Гораздо правильнее было бы сказать, что такое представление существовало в прошлом и бытует по сей день. Но советская психология прославилась совершенно иным подходом, основанным на методологии диалектического материализма. Его изложил, например, Л. С. Выготский в работе «Орудие и знак в развитии психики». Если автору «Критической психологии» такая позиция неизвестна, то это уже недоработка автора, а не советской психологии. Тем более что, опираясь на работы Выготского, А. Н. Леонтьев развивал деятельностный подход в психологии, положенный в основу практической работы по воспитанию слепоглохих детей (см. книгу Ф. Т. Михайлова «Загадка человеческого Я», в которой, кстати, есть раздел под названием «Когда прав Кант?»). В ходе работы со слепоглохими детьми было практически

подтверждено, что ключевым звеном в становлении полноценной личности является деятельность в ее диалектико-материалистическом понимании. Профессор Георгиев недооценивает значение деятельности, поскольку – в духе бихевиоризма – отождествляет ее с поведением (с. 103). Но почему автор приписывает и Марксу бихевиористскую интерпретацию деятельности, остается неясным.

Если согласиться с тем, что категория деятельности выражает специфически человеческую форму активного отношения к миру, то проблема априорных форм познания отпадает сама собой, ибо надындивидуальное признается необходимой стороной человеческой деятельности. Иначе говоря, «личное и общественное», по терминологии автора, являются не «реально существующими фактами в жизни» (с. 239), а диалектическими сторонами деятельности. К сожалению, профессор Георгиев расценивает подобные рассуждения как «диалектические иллюзии» (с. 104), а потому и вынужден возвращаться к проблеме, успешно преодоленной с помощью диалектики.

Помогает ли обращение к априорным принципам в понимании современных явлений? На мой взгляд, скорее приводит к ошибочным суждениям. Так, критикуя господствующую в западной психологии претензию на собственную универсальность, в чем автор справедливо усматривает идеологическую подоплеку, профессор Георгиев, однако, настаивает на том, что для всех человеческих общностей и их государств «характерны одни и те же *надличностные* психические структуры» (с. 171). Почему же невозможны различия? А потому, что, согласно философии Канта, которую автор книги воспринимает как непререкаемую истину, априорная идея «принадлежит каждому человеку как элемент структуры его сознания, и он обнаруживает ее в себе, как только начнет сознавать, что означает мыслить» (с. 357).

Возможно, И. Кант не отдавал себе отчета в том, что используемый им понятийный аппарат сложился в определенной культуре. Ему могло показаться, что таковы познавательные способности любого человека вне зависимости от его культурной принадлежности. Но почему профессор Георгиев так спокойно принимает это положение? Современная компаративистика дает достаточно оснований утверждать, что *разные* типы цивилизаций опираются на мышление *разного* типа. Проигнорировав это обстоятельство, мы поневоле становимся проводниками европоцентризма, против которого автор вообще-то возражает.

К тому же знание, основанное на априорных принципах, обрекает нас на догматизм, ибо новые явления поневоле будут подгоняться под однажды установленные понятийные рамки, и мы получим искаженную картину. Так и получилось. Например, профессор Георгиев подчеркивает, что для азиатских обществ, в противовес американскому, характерно «отсутствие каких бы то ни было экспансионистских стремлений в целях реализации глобальных претензий, за которыми стоят идеи универсальности» (с. 295). Как будто невозможны «экспансионистские стремления» по другим основаниям, без ссылки на универсальность! К тому же из того, что чего-то не было до сих пор, не следует, будто этого не будет и впредь. Глобализация как качественно новое состояние истории, порождающее и новые устремления, и новые способы их реализации, явно недооценивается автором и – полагаю – в первую очередь потому, что априорно в познании не представлена.

Из априорной связи этнического и политического (с. 126) сегодня уже невозможно объяснить положение, в котором оказался русский этнос в России. По логике автора следовало бы ожидать, что государство работает на укрепление и процветание государствообразующей нации. В действительности же внутренняя политика российского руководства является антирусской и направлена как на физическое сокращение русского народа, так и на лишение его исторических корней. Дело в том, что нынешнее руководство страны правильнее было бы называть «колониальной администрацией», обслуживающей интересы международных финансовых кругов, а не собственного народа.

Кстати, роль международной финансовой «элиты» надо учесть и для того, чтобы правильно понимать, кто кем управляет в современном мире. Профессор Георгиев все еще уверен в том, что именно США управляют глобальными финансовыми институтами (с. 320). На самом же деле положение меняется у нас на глазах, и Соединенные Штаты все чаще оказываются в подчинении у мировой финансовой закулисы.

В итоге получается, что автору не удалось достичь поставленной цели. Критика слабых сторон современной науки – при всей ее справедливости – вовсе не требует опоры на априорные формы познания. Получение же нового знания скорее сдерживается априорными формами или искажается ими, вместо того чтобы его стимулировать.